

Гу Инь, который привык только есть да спать, неожиданно полюбил теоретические занятия.

Всё потому, что на Пике Бусянь Линь Цинъю, кроме чтения трактатов по самосовершенствованию, заставлял его лишь заниматься земледелием. И это была чистая правда: Гу Инь, повязав рукава, смотрел на бескрайние плантации лекарственных трав и чувствовал себя так, словно вернулся в обычную деревню.

Духовные растения, которые он с таким трудом втискивал в землю, требовали особого ухода: ежедневно нужно было приносить воду из горного источника, трижды в день проверять, не завелись ли вредители, и через день перепаживать почву. Гу Инь ворчал: если так пойдет и дальше, то к ежемесячному экзамену ему не придется ломать голову над результатами — он просто прикончит Линь Цинъю и сбежит, избавив себя от позора быть отчисленным.

Наконец наступил час теоретических занятий, и усердие Гу Иня удивило даже Чанъюй Ли. Сегодня была общая лекция по основам артефакторики. Все ученики, независимо от специализации, проходили ознакомительные курсы, чтобы после выпуска, столкнувшись с чем-то подобным, не оказаться в полной беспомощности.

Наставницей сегодня была Мин Юэ. Она славилась своим вспыльчивым нравом, и за долгие годы в академии никто не решался переходить ей дорогу.

— Самое важное в создании артефактов — это тонкое чутье. Нужно понимать желания других и видеть их нужды, только тогда получится создать совершенный инструмент! — Мин Юэ, чья яркая красота притягивала взгляды, обвела аудиторию цепким взглядом и, скривив губы, добавила: — Нынешние ученики один хуже другого, ни в одном нет ни искры таланта.

Ученики, привыкшие к тому, что дома их лелеяли как золотых фениксов, еще не знали крутого нрава наставницы и возмутились:

— Наставница Мин, вы слишком высокого о себе мнения. Не обязательно высказываться так грубо.

Мин Юэ взмахнула рукой, и ледяная сфера, сорвавшись с ее пальцев, мгновенно сковала дерзкого студента, лишив его возможности пошевелиться.

— Нет таланта — имейте хотя бы совесть это признать! Вот когда дорастете до Цинхэн-цзюня...
— Мин Юэ осеклась, осознав, что сболтнула лишнее, и тут же перевела тему: — Вот когда научитесь самостоятельно создавать артефакты, тогда и поговорим!

Сердце Гу Иня екнуло. Кто такой этот Цинхэн-цзюнь, о котором упомянула Мин Юэ?

В аудитории кто-то спросил:

— Цинхэн-цзюнь? Наставница Мин, вы его видели?

Гу Инь повернулся на голос. Спрашивавшей оказалась девушка с яркой, живой внешностью, в чьих глазах светилось искреннее восхищение. Увидев ее выражение лица, Мин Юэ на мгновение просияла, но тут же, словно вспомнив о чем-то, плотно сжала губы.

Гу Инь усмехнулся:

— Должно быть, этот Цинхэн-цзюнь — выдающаяся личность.

— Пф, всего лишь вредитель, который запятнал свое доброе имя, связавшись с темным владыкой.

Кто-то выкрикнул это из толпы. Лицо Мин Юэ побледнело, она метнула в сторону говорившего свирепый взгляд:

— Цинхэн-цзюнь был чист и светел, словно небожитель. Вы даже пыли на его сапогах не стоите, учитывая, сколько он сделал для жителей Цзючжоу!

Студент, осмелившийся на выпад, покраснел, а затем побелел. Не желая выглядеть посмешищем, он упрямо продолжил:

— Он обладал несравненной силой, но добровольно склонился перед темным владыкой, чтобы ублажать его. Разве это не пощечина всем благородным кланам?

В аудитории воцарилась тишина. Казалось, было произнесено запретное слово. Это лишь разожгло любопытство Гу Иня. Он как раз раздумывал, как бы выведать подробности этого скандала, но тут поднялся Чанъюй Ли.

Он сохранял невозмутимое лицо, но вежливо поклонился Мин Юэ:

— Наставница, прошлое, каким бы оно ни было, — это урок для учеников. Если мы будем лишь скрывать то, что стыдимся признать, как потомки смогут судить о нас?

Слова Чанъюй Ли прозвучали твердо, и Мин Юэ кивнула. Вместо лекции по артефакторике она начала урок истории.

— Признавать свои ошибки — не позор. Студент Чанъюй прав, поэтому я расскажу вам то, что было вычеркнуто из книг.

Мин Юэ выглядела взволнованной:

— Все вы знаете, что четыре страны и четыре секты Цзючжоу — сильнейшие на континенте. Но изначально в Цзючжоу было пять стран и пять сект!

Гу Инь заинтересовался. Хотя выходцы из знатных семей что-то слышали об этом, остальные юноши не могли упустить шанс узнать правду.

— Императорские дома и великие секты процветали вместе, но тридцать лет назад появился темный владыка — Фэн Юэ-цзунь!

При упоминании этого имени юные фениксы не почувствовали холода, исходящего от Мин Юэ, — в их глазах читалось лишь восхищение перед мощью.

— Фэн Юэ-цзунь был кровожаден. Лишь потому, что у него было дурное настроение, он в одиночку уничтожил Государство Юй и секту Цинсюань! — рассказ Мин Юэ был полон драматизма, заставляя слушателей содрогаться. — Гибель Юй и Цинсюань потрясла Цзючжоу. Оставшиеся страны и секты объединились, чтобы покарать его, но были жестоко вырезаны.

Мин Юэ понизила голос:

— И тогда явился Цинхэн-цзюнь, прибывший с островов из-за пределов Сюйхая. Он сразился с Фэн Юэ-цзунем, и их битва была столь яростной, что небо и земля содрогались. Они были равны.

— Цинхэн-цзюнь такой сильный! — воскликнула та самая девушка.

Мин Юэ одобрительно взглянула на нее, но тут же опустила глаза:

— В конце концов, чтобы усыпить бдительность врага, Цинхэн-цзюнь пожертвовал собой, завоевал доверие темного владыки и, наконец, сразил его в Ваньчжансюэ.

Как только она закончила, тот самый студент снова пробормотал:

— Раз у него была сила сразиться с ним, зачем было так позориться и служить демону? Позор нашего праведного пути!

Мин Юэ снова метнула ледяную сферу, окончательно заморозив дерзкого ученика. Затем она вновь приняла вид строгой наставницы:

— В любом случае, хотя темный владыка едва не уничтожил весь континент в одиночку, вам не стоит стыдиться. Ведь победить его не смогли не вы, а ваши родители.

Гу Инь не удержался и рассмеялся. Теоретические занятия оказались куда интереснее, чем он думал — каждый день новая порция сплетен. Но его не покидало чувство недоумения: неужели эту историю скрывали только потому, что она казалась позором для Цзючжоу?

— А что стало с Цинхэн-цзюнем потом? — взволнованно спросила девушка.

— Кто-то говорит, что он вознесся, кто-то — что не вынес пересудов и ушел в затворничество. Его искусство владения мечом могло раскалывать горы и осушать моря, он был гением во всех дисциплинах. Сейчас мирное время, возможно, он вернулся в бессмертные пределы Сюйхая, — закончила Мин Юэ с легкой грустью. Было очевидно, что она сама была очарована этим героем.

До конца занятия Гу Инь уже не слушал. Подперев подбородок рукой, он задумчиво постукивал пальцами по столу, прокручивая в голове имя Цинхэн-цзюня.

Из-за этой выходки Мин Юэ сразу после урока была поймана старейшиной Хэ, оштрафована на месячный запас духовных камней и отстранена от преподавания на месяц.

После этого небольшого происшествия началось общее занятие по алхимии. Каждому выдали каталог духовных растений. Наставник по алхимии был стариком, и студенты, не проявляя особого интереса, лишь делали вид, что слушают, перешептываясь между собой.

Лишь двое — гений Чанъюй Ли и бездарь Гу Инь — прилежно учились. Наставник Юй был очень доволен и, не выказывая пренебрежения к положению Гу Иня, после урока даже подарил ему каталог редких духовных растений для изучения.

Вернувшись на Пик Бусянь, Гу Инь продолжил заниматься земледелием и спать. Даже скудная еда была для него пыткой. Ежедневные пустые каши и овощи казались ему суровым аскетизмом.

Ночью, от нечего делать, Гу Инь открыл каталог редких трав, и чем больше читал, тем яснее становились его мысли.

Цзюэлинцзы, трава Цанцю, роса Фэнхуа...

Да это же те самые растения, которые он каждый день поливал и для которых рыхлил землю!

В этот миг Гу Иня осенило. Он поспешно связался с Ци Юэ через Цяньлин. Зеркало отразило шумную обстановку — явно не академия.

— Брат Гу, что случилось? Хочешь выбраться куда-нибудь развеяться?

Гу Инь сразу перешел к делу:

— Ты знаешь, сколько можно выручить за одно редкое духовное растение и сколько стоят алхимические пилюли на рынке?

<http://bllate.org/book/18807/1829251>